

ЗНАМЕНИТЫХ
САМОУБИЙЦ

CF FOLIO

100 знаменитых

Елена Кочемировская

50 знаменитых самоубийц

«ОМІКО»

2004

Кочемировская Е.

50 знаменитых самоубийц / Е. Кочемировская — «ОМКО»,
2004 — (100 знаменитых)

Сегодня считается, что основная причина суицида – ощущение человеком бессмысленности или невозможности своего существования. Зачастую проблемы разного рода, душевная и физическая боль, непонимание, несчастная любовь становятся той стеной, которой человек отгораживается от окружающих, а потом, оказавшись в эмоциональном вакууме, не может с ним справиться. Так ушли из жизни Марина Цветаева, Сергей Есенин, Акутагава Рюноскэ, Геннадий Шпаликов, Эрнест Хемингуэй, Всеволод Гаршин и многие другие. О 50 самых известных самоубийцах и причинах, по которым они лишили себя жизни, и рассказывается в этой книге.

Содержание

Предисловие	5
АКУТАГАВА РЮНОСКЭ	8
АНТИСФЕН	12
АНТОНИЙ МАРК	16
БАШЛАЧЕВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ	25
БРУТ МАРК ЮНИЙ	30
БУССЕНАР ЛУИ АНРИ	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Елена Кочемировская

50 знаменитых самоубийц

Предисловие

Самоубийство, или суицид, – это намеренное прекращение собственной жизни. Решение покончить с собой может быть вызвано самыми разными причинами. Существует целый ряд закономерностей, связанных с самоубийством. Так, в мирное время суициды случаются чаще, чем в военное. Мужчины кончают с собой почти в три раза чаще, чем женщины, хотя частота суицидальных попыток (иногда демонстративных, то есть тех, которые преследуют цель обратить на себя внимание, а не расстаться с жизнью) у женщин значительно выше. В какой-то степени эти различия могут быть объяснены тем, что мужчины обычно совершают самоубийство такими решительными способами, как пистолетный выстрел, повешение или отравление угарным газом, в то время как женщины чаще прибегают к приему больших доз лекарств, что с меньшей вероятностью приводит к смерти. Число самоубийств в больших городах значительно превышает этот показатель в сельской местности. Если раньше самоубийства чаще всего совершались пожилыми людьми, то к концу XX века резко выросло количество суицидов среди молодежи 15–24 лет. Риск самоубийства повышают безработица и отсутствие собственной семьи.

Суициды совершались на протяжении всей истории человечества. Одно время полагали, что это болезнь современной цивилизации, неизвестная примитивным культурам, однако это обобщение неверно. Например, среди отдельных племен индейцев Южной Америки самоубийства являются основной причиной смерти (но в то же время есть племена, где не существует самого этого понятия).

Столь же неверно приписывать склонность к суицидам современности. Самоубийства были широко распространены уже в Древней Греции и Древнем Риме, причем такая смерть если и не была одной из самых почетных, то уж во всяком случае не осуждалась.

Иудейская религия, а вслед за ней христианство, подчеркивающие святость человеческой жизни, осуждают самоубийство. Тем не менее, в еврейской исторической литературе существует несколько примеров суицида; наиболее известно массовое самоубийство 960 человек в Масаде, предпринятое во избежание резни и порабощения римлянами в 73 г. н. э. Законы Талмуда запрещали произносить надгробное слово над телом человека, покончившего с собой, но поощряли сочувственное отношение к родственникам погибшего.

Самоубийство было, по-видимому, довольно распространенным явлением в раннехристианские времена, в период Римской империи. В христианстве официальное осуждение суицида впервые сформулировал св. Августин (354–430) в книге «О Граде Божиим» (*De civitate Dei*). В XIII веке Фома Аквинский осуждал самоубийство на основании трех причин: как извращение природного чувства самосохранения, как прегрешение против общества и как прегрешение против Бога.

Некоторые азиатские культуры придерживались более терпимого отношения к суициду. Например, в ряде областей Индии и Китая до сих пор принято самоубийство вдов после смерти мужей (например, в Индии по этой причине число самоубийств среди женщин значительно превышает количество суицидов у мужчин). Другие типичные мотивы – попытка избежать пленения во время войны, стремление следовать за учителем и после его смерти, страх стариков стать обузой для семьи. В Японии многие воины и представители благородных классов прибегали к суициду как к альтернативе наказания за содеянное преступление и единственно достойному способу избавиться от позора себя и свою семью.

В истории мусульман суицид – редкое явление. Коран строжайше запрещает его, и частота самоубийств среди мусульман и сегодня остается низкой.

Юридические установки по отношению к самоубийству тоже изменялись. Английский закон запрещал суицид и подвергал наказанию лиц, предпринимавших попытки нанести себе повреждения. В большинстве современных культур совершению самоубийства также препятствуют законодательные запреты или религиозные табу. Например, в большинстве штатов США действует закон, запрещающий помогать другому человеку покончить с собой. С другой стороны, в ряде стран, например в Нидерландах, разрешена эвтаназия («самоубийство с врачебной помощью»), т. е. прием быстродействующих и вызывающих летальный исход препаратов, назначенных врачом с целью положить конец мучениям больного изнурительной смертельной болезнью. Эвтаназия стала предметом горячих споров, поскольку современная медицина позволяет продлить жизнь даже безнадежно больных. В редких случаях, например в военное время, акты самоуничтожения могут рассматриваться как альтруистические, особенно если речь идет о смерти ради спасения других людей.

Социологи пытались объяснить самоубийство действием социальных и культурных факторов. Э. Дюркгейм, например, рассматривал его как следствие деградации социальных связей и нарастающей изоляции человека в обществе. Другие ученые усматривали причину суицидов в росте городской цивилизации, чрезмерной урбанизации, крахе семейных ценностей и снижении влияния церкви.

Некоторые писатели воспевают самоубийство как проявление артистического самовыражения – такая романтизация игнорирует муки человека, замышляющего самоубийство, и страдания его близких, однако оказывается чрезвычайно привлекательной для эмоционально нестабильных людей (прежде всего, подростков и молодежи). Так, именно эта причина обусловила эпидемию самоубийств, которая прокатилась по Европе в конце XIX – начале XX веков, когда молодые люди расставались с жизнью, следуя «моде».

Сегодня считается, что основная причина суицида – ощущение человеком бессмысленности своего существования. Количество самоубийств зависит от положения, в котором находится общество, в частности от экономической нестабильности, идеологической неразберихи, переоценки общественных ценностей и норм морали. Что касается крупных городов, то здесь существует такое явление, как анонимность в толпе – ситуация, когда человек ощущает страшное одиночество, имея массу знакомых, коллег, приятелей.

В то же время причины самоубийства не сводятся к проблеме одиночества, хотя, безусловно, она очень важна. Зачастую накопившиеся проблемы, душевная боль, крушение жизненных планов, непонимание, несчастная любовь становятся той стеной, которой человек отгораживается от окружающих, а потом, оказавшись в эмоциональном вакууме, не может с ним справиться. Так ушли из жизни Марина Цветаева, Сергей Есенин, Акутагава Рюноске, Геннадий Шпаликов...

Однако, кроме одиночества, есть еще целый список не менее значимых предпосылок, которые в разное время приводили людей различных профессий, склонностей, достатка, семейного положения и религиозных взглядов к самоубийству:

– старение и болезни. Здесь, как это ни парадоксально, основным мотивом становится... страх смерти – не мгновенной, а долгого умирания. По этой причине расстались с жизнью Демокрит, чета Лафаргов, Ромен Гари, Жиль Делёз, Эрнест Хемингуэй, Джек Лондон, Зигмунд Фрейд. Впрочем, зачастую в основу решения о самоубийстве ложится психическая болезнь (как, например, в случае Вирджинии Вульф, Ван Гога, Всеволода Гаршина), а иногда алкоголизм или наркомания (Алексей Толстой, Глеб Успенский);

– политические и патриотические мотивы. Тут можно назвать героические самоубийства (японские камикадзе, Гастелло, Александр Матросов), протест против существующего положения дел (самоубийства народовольцев Софьи Гинзбург, Егора Сазонова, смерть Серго

Орджоникидзе и др.), страх разоблачения и/или репрессий со стороны режима (Александр Радищев, самоубийства организаторов ГКЧП), давление со стороны существующей власти (Сенека, Лукиан, Сократ, Александр Фадеев);

– творческий кризис, страх перед «снижением планки», снисходительным отношением критиков и бывших поклонников, боязнь услышать полупрезрительное: «Что ж, живет старыми заслугами, ничего нового создать уже не может». Этот мотив особенно значим для тех, кого принято называть «работниками творческих профессий» – писателей, актеров, художников, композиторов. Именно им зачастую объясняются «роковые годы творцов» – двадцать семь и тридцать семь лет. Дело в том, что на эти возрастные периоды приходится так называемые «жизненные кризисы» – время осознания своих достижений и перспектив, переоценки своей жизни, выработки новых ценностей. Через эти кризисы, которые повторяются каждые 7–9 лет, проходит каждый человек, но большинство преодолевает их: кто-то меняет работу, кто-то семью, кто-то погружается в быт, кто-то переезжает на новое место, кто-то продолжает жить как раньше... Творческие люди переживают кризисы значительно острее, да и сменить род деятельности им не под силу. И в результате единственным выходом оказывается самоубийство. Список погибших из-за творческого кризиса, часто усугубленного алкоголем или наркотиками, очень велик. Большую роль в принятии решения об уходе из жизни играет желание сохранить и отстоять свои мировоззренческие позиции или хотя бы умереть в том же стиле, в котором прошла вся жизнь. Так ушли из жизни, например, Сократ, Юкио Мисима, Луи Буссенар, Отто Вейнингер, Джироламо Кардано...

Перечислять причины, приводящие к самоубийствам, можно до бесконечности, равно как и имена известных людей, которые расстались с жизнью по доброй воле. Конечно, рассказать о всех них под одной обложкой невозможно – разве что просто привести список.

В предлагаемой книге представлены жизненные истории знаменитых людей, покончивших с собой по таким причинам:

– самоубийства, связанные с политическими событиями Древнего Рима, Древней Греции и России (начиная со времен Российской империи и заканчивая распадом СССР). Особняком стоит описание жизненного пути Адольфа Гитлера, который был включен в книгу после долгих колебаний – в назидание потомкам;

– самоубийства, связанные со страхом старости, одряхления, нежеланием быть обузой для окружающих. Эта фобия была свойственна людям во все времена – начиная с Древней Греции и до наших дней;

– самоубийство из-за болезни;

– самоубийство как следствие невыносимых жизненных условий, в которых оказывается человек. Речь, разумеется, идет о субъективной невыносимости – глубоком личностном кризисе, невозможности (или неспособности) увидеть выход из сложившейся жизненной ситуации, неумении справиться с ней;

– самоубийство под влиянием, условно говоря, «шоу-бизнеса». Здесь речь идет о суицидах, спровоцированных разрывом между собственными творческими устремлениями артиста и требованиями публики;

– самоубийство как продолжение жизни, как реализация жизненного стиля и мировоззренческих позиций.

АКУТАГАВА РЮНОСКЭ

(род. в 1892 г. – ум. в 1927 г.)

«Подрагивает весенняя ветка.
Мгновение назад
С нее упала маргышка».

Акутагава Рюноскэ

«Наверное, я постепенно лишился того, что называется инстинктом жизни, животной силой. Я живу в мире воспаленных нервов, прозрачном, как лед... Лишь природа стала для меня во много раз прекраснее. Тебя, наверное, это насмешит: человек, очарованный красотой природы, думает о самоубийстве. Но природа потому так и прекрасна, что отражается в моем последнем взоре».

Акутагава Рюноскэ, «Письмо к другу»

«...Еще никто не описал достоверно психологию самоубийцы. Видимо, это объясняется недостаточным самолюбием самоубийцы или недостаточным психологическим интересом к нему самому. В этом своем последнем письме к тебе я хочу сообщить, что представляет собой психология самоубийцы. Разумеется, лучше не сообщать побудительные мотивы моего самоубийства...» Этими словами Акутагава Рюноскэ, один из известнейших японских писателей,

начинает свое предсмертное «Письмо к другу». Его короткая жизнь оставила неизгладимый след в литературной жизни не только Японии, но и всего мира.

Никто так и не узнал, что именно побудило писателя свести счеты с жизнью. И мало кого его поступок удивил: задолго до этого Рюноскэ так много говорил и писал о самоубийстве, что его друзья и знакомые попросту привыкли к этому... Да и кроме того, незадолго до смерти Акутагава написал три рассказа о смерти, так что не было ничего удивительного в его разговорах на эту тему – просто еще один источник вдохновения. А ведь в этих рассказах Рюноскэ описал себя, свое мучительное душевное состояние, свой страх перед безумием и творческим опустошением. Но, конечно, это стало очевидно уже после его смерти...

Акутагава ушел из жизни, приняв смертельную дозу снотворного. Ему было всего тридцать пять – роковой возраст для гениев...

* * *

Япония и мы. Что мы Японии, что она нам? Мы – ей немного, она нам, пожалуй, поболее: – две войны и патриотический репертуар («...Врагу не сдается наш гордый "Варяг"...»; «...На границе тучи ходят хмуро...»)...

– много-много красивых слов: «банзай», «самурай», «харакири», «камикадзе», «гейша», «покемоны», «кимono», «ниндзя», «Йоко Оно», «Фудзияма», «сакура», «сакэ», «якудза», «суси», «Sony», «Panasonic», «Акунин»...

– несколько... э-э-э, фразеологизмов (японский городской, например)...

– мультики с широкоглазыми персонажами...

А еще Страна восходящего солнца подарила нам хокку и танка, удивительное кино, прозу, картины... И – Дракона.

1 марта 1892 г. – в час Дракона день Дракона месяц Дракона – в семействе Ниихара родился мальчик Рюноскэ. Это имя было дано младенцу потому, что «Рю» – иероглиф Дракона, совершенного существа, священного для Японии. Через девять месяцев мать Рюноскэ сошла с ума... Болезнь матери стала для мальчика серьезной травмой; уже став взрослым, он много размышлял об утрате рассудка, не без оснований опасаясь той же участи.

Рюноскэ родился, когда отцу, торговцу молоком, было сорок два года, а матери – тридцать три. Следуя старинному обычаю, родители сделали вид, будто ребенка им подкинули, и отдали его на воспитание в дом сестры матери, которая хотя и была замужем, но детей не имела. Это было сделано из суеверных соображений, поскольку в Японии считается не очень хорошей приметой, когда родителям новорожденного за тридцать. Мальчик воспитывался в семье своего дяди – Акутагавы Митиаки, и в итоге дядина фамилия прославилась, а родная – Ниихара – канула в Лету.

В 1910 г. Рюноскэ с отличием окончил Токийскую муниципальную среднюю школу и поступил в колледж на литературное отделение, окончив который в 1913 г., стал студентом английского отделения Токийского императорского университета. Занятия в университете разочаровали начинающего литератора – лекции оказались пресными и скучными, и он перестал их посещать, увлекшись изданием журнала «Синейте».

Англия, Франция, Германия, Россия – четыре страны, к которым было приковано внимание молодых японских гуманитариев того времени. Но только Акутагава решился раздвинуть рамки японской литературы того времени. Первая же новелла «Ворота Расёмон», написанная в 1915 г., принесла ему мировую известность. Оставаясь в пределах национальной тематики и географии, демонстративно обратившись к древней традиции, Рюноскэ писал так, как японцы никогда не писали.

В том же году Акутагава создал «Нос» – не менее знаменитое произведение, которое стало вехой творческого пути писателя. Отправной точкой для создания этой новеллы послу-

жил гоголевский «Нос» – повесть о том, как нос майора Ковалева покинул свое законное место на его лице и отправился гулять по Санкт-Петербургу. Только сюжет японского «Носа» несколько отличался от повести Гоголя: нос монаха Дзэнти, главного персонажа, был слишком длинен, и он всю жизнь мечтал укоротить его. В конце концов ему это удалось, но вот жить с обычным носом монах не смог. Жизнь лишилась смысла...

В 1916 г. Акутагава окончил университет и получил должность преподавателя английского языка в Военно-морской школе. Он писал тогда своей будущей жене, что люто ненавидит преподавание: «Стоит мне увидеть лица учеников, как сразу же охватывает тоска – и тут уж ничего не поделаешь. Но зато я моментально оживаю, когда передо мной бумага, книги, перо и хороший табак».

И тем не менее, это было самое светлое время в его жизни. За девять месяцев Акутагава создал около двадцати новелл, эссе и статей; он становится непревзойденным мастером короткого рассказа. Слава пришла к писателю довольно рано, и жизнь его была вполне благополучна: крепкая семья, литературный успех, признание публики. Однако сам Рюносукэ считал, что живет в аду.

Он жил в постоянном страхе, боясь безумия и творческого истощения. В последние годы этот страх стал неотвязно преследовать Акутагаву, хотя его рассудок оставался незамутненным, а писал он все больше. Однако после тридцати писателю стало все труднее братья за перо, и это вселяло в него «...смутную тревогу, какую-то смутную тревогу за свое будущее». Он все сильнее беспокоился о том, что сойдет с ума, как мать; все чаще ему казалось, что талант иссяк и он не может больше писать, что надвигается творческий кризис и пустота. Больше всего на свете Акутагава стремился к семейному уюту, «нормальной» жизни, и больше всего на свете боялся этой самой «нормальности», убивающей творчество.

Душевное напряжение достигло пика, и в довершение всего на писателя обрушилась бессонница, побороть которую удавалось только постоянным увеличением доз снотворного. И вскоре Рюносукэ уже не мог обходиться без него, а лекарственный дурман не оставлял его и днем.

В марте 1927 г. он написал рассказ «Мираж», в котором отчетливо прозвучал мотив предполагаемой смерти, но ярче всего состояние писателя раскрыто в автобиографической новелле «Зубчатые колеса» и повести-исповеди «Жизнь идиота»: «...У него дрожала даже рука, державшая перо. Мало того, у него стала течь слюна. Голова у него бывала ясной только после пробуждения от сна, который приходил к нему после большой дозы веронала. И то ясной она бывала каких-нибудь полчаса. Он проводил жизнь в вечных сумерках, словно опираясь на тонкий меч со сломанным лезвием...»

Именно тогда Акутагава окончательно утверждает в решении уйти из жизни. Вообще-то, его давно привлекала идея самоубийства, он даже когда-то провел эксперимент: сдвинул себе горло веревкой и стал следить по секундомеру, сколько времени ему потребуется, чтобы умереть. Через две минуты двадцать секунд сознание начало меркнуть, и Акутагава на этом остановился – способ самоубийства путем удушения ему не понравился.

Многие новеллы Акутагавы посвящены христианству, встрече японской культуры и католичества, Востока и Запада... Изучение Библии, осмысление жизни Христа и христианских догматов только укрепляют решимость писателя покончить с собой: «...Я не считаю самоубийство грехом, в чем убеждены рыжеволосые, – пишет он в своем «Письме к другу». – Шакья-Муни (Будда. – Прим. авт.) в одной из своих проповедей одобрил самоубийство своего ученика... Люди, решительно совершавшие... самоубийство, должны были в первую очередь обладать мужеством».

И Акутагава проявил мужество, как он его себе представлял. Он долго готовил свое самоубийство – иероглиф Дракона, совершенного существа, под которым Рю родился и прожил яркую жизнь, требовал, чтобы последний росчерк кисточки был совершенен:

«...Первое, о чем я подумал, – как сделать так, чтобы умереть без мучений. Разумеется, самый лучший способ – повеситься. Но стоило мне представить себя повесившимся, как я почувствовал переполняющее меня эстетическое неприятие. Не удастся мне достичь желаемого результата, утопившись, так как я умею плавать. Но даже если паче чаяния мне бы это удалось, я испытаю гораздо больше мучений, чем повесившись. Смерть под колесами поезда внушает мне то же эстетическое неприятие, что и повешение. Застрелиться или зарезать себя мне тоже не удастся, поскольку у меня дрожат руки. Безобразным будет зрелище, если я брошусь с крыши многоэтажного здания. Исходя из всего этого, я решил воспользоваться снотворным. Умереть таким способом мучительнее, чем повеситься, но зато не вызывает того отращения, как повешение, и, кроме того, не несет опасности, что меня вернут к жизни...

Следующее, что я продумал, – это место, где покончу с собой... Я тревожился, как бы из-за самоубийства мой дом не стал пользоваться дурной славой... Я хочу покончить с собой так, чтобы, по возможности, никто, кроме семьи, не видел моего трупа.

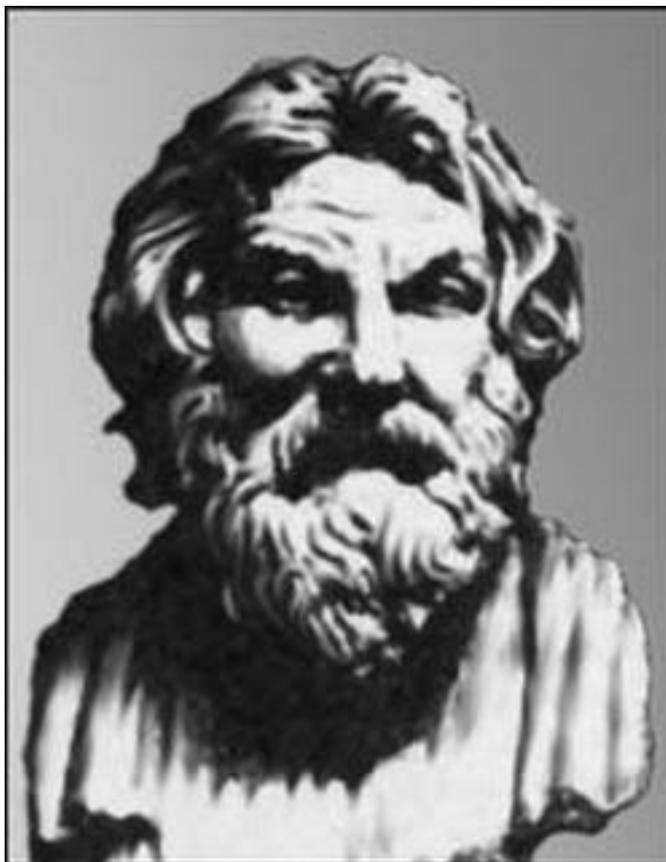
И последнее. Я постарался сделать все, чтобы никто из семьи не догадался, что я замышляю покончить с собой. После многомесячной подготовки я, наконец, обрел уверенность. (Я вдаюсь в такие мелочи потому, что пишу не только для тех, кто питает ко мне дружеское расположение. Я бы не хотел быть виновником того, чтобы кого-то привлекли к ответственности по закону о пособничестве в совершении самоубийства...)

Я хладнокровно завершил подготовку и теперь остался наедине со смертью...»

24 июля 1927 г. в возрасте тридцати пяти лет Рюноскэ Акутагава покончил с собой. Его путь – от начала литературной славы до смертельной дозы веронала оказался очень короток – всего 12 лет. В 1935 г. писатель и издатель Кикиути Кан учреждает ежегодную премию имени Акутагава Рюноскэ, которой и по сей день удостоиваются талантливые молодые литераторы Японии.

АНТИСФЕН

(род. ок. 450 г. до н. э. – ум. ок. 360 г. до н. э.)

«Принято думать, что толпы оборванных молодых людей, которые слоняются по дорогам и улицам больших городов, появились только в нашу эпоху, пресыщенную цивилизацией. Между тем античный мир тоже знал своих хиппи; они во многом были похожи на нынешних, хотя, в отличие от них, исповедовали ясную и законченную философию опрощения».

о. Александр Мень, История религии. Т. 6

«В жизни своей, Антисфен,
ты псом был недоброго нрава,
Речью ты сердце кусать лучше, чем
пастью, умел...»

Диоген Лаэртский (Лаэртский); III в. н. э.

Сократ оставил достойных продолжателей своих идей. Одним из них стал его ближайший друг и ученик Антисфен. Антисфен и смерть выбрал достойную памяти учителя – по легенде, достигнув глубокой старости, он закололся кинжалом.

Открытым остается вопрос относительно возраста, в котором Антисфен ушел из жизни: по одним сведениям, он умер около 370 г. до н. э., а по другим – не менее достоверным, – около 336 г. до н. э. Разброс, как видим, значительный. То же и с датой рождения – не то 455 г.

до н. э., не то 445 г. до н. э., а то и вообще 435 г. до н. э. В общем, непонятно, когда родился, и тем более, когда умер.

Надо сказать, что вся эта неразбериха с датами, скорее всего, только порадовала бы Антиффена – очень уж он не любил людей и, подобно настоящему псу, кидался на всякого, кто ему не нравился, как по вздорности характера, так и из философских соображений. Вообще, по отзывам современников, Антиффен был настолько же необычным, насколько и неприятным человеком (хотя его ученик Диоген Синопский, о котором пойдет речь в другой статье, намного превзошел своего наставника).

Антиффен, сын афинского гражданина Антиффена, не был чистокровным и свободно-рожденным афинянином – его родила фракийская рабыня, и потому он не имел гражданства. Очевидно, он страдал от своего «нечистого» происхождения, поскольку всю жизнь желчно высмеивал афинян, которые гордились чистотой крови, заявляя, что они ничуть не родовитее улиток или кузнечиков. Себя Антиффен кокетливо называл «непородистым псом», но когда его попрекнули тем, что он происходит не от свободнорожденных родителей, ответил: «Но ведь и атлетами мои родители не были, а я тем не менее атлет».

О детстве Антиффена нет никаких сведений. В юности он учился у знаменитого ритора и софиста Горгия, а потом примкнул к Сократу. Антиффен был настолько увлечен беседами с Сократом, что ежедневно ходил к нему из Пирея, расположенного в нескольких километрах от Афин, и даже убеждал своих учеников вместе с ним учиться у афинского мудреца.

Цицерон, древнеримский оратор, как-то сказал, что после разговоров с Сократом у разных людей складывались самые неожиданные и далекие друг от друга воззрения. Антиффен – лучший тому пример: Сократ оказал на него огромное влияние, но его философские взгляды очень далеки от идеалов учителя. Сократ свято чтит законы и традиции города (и даже лишил себя жизни, соблюдая их), а Антиффен их желчно высмеивал. Умозрительные поиски философа тоже не слишком интересовали ученика.

Главным Антиффен считал «искусство жить», и именно этому он хотел научиться у Сократа. В знаменитом философе его восхищали выдержка, мужество, неприязнительность и умение оставаться счастливым в нужде. Все это, в глазах Антиффена, было вершиной человеческого достоинства и добродетели.

Антиффен старался во всем подражать учителю, а иногда был даже не прочь перещеголять его в «простоте». Так, например, он стал носить лишь один дырявый плащ, сквозь который просвечивало голое тело; Сократ, видя это, заметил: «Сквозь плащ просвечивает твое тщеславие». Тем не менее он любил этого одаренного, хотя и вздорного человека и в последний день жизни пожелал видеть Антиффена среди самых близких людей. После казни Сократа Антиффен нашел способ отплатить его врагам и, как утверждают, стал причиной изгнания и смерти главных обвинителей мудреца.

Довольно скоро Антиффен вознамерился основать собственную школу, но поначалу у него ничего не получалось. Взлохмаченный, в ветхой одежде, с посохом и сумой, вызывавший улюлюканье мальчишек, он казался карикатурой на философа. Однако его образ жизни и философские воззрения стали привлекать все больше людей, которые собирались в гимнасии Киносарг в пригороде Афин, где преподавал Антиффен. Правда, иметь с ним дело было непросто, с учениками он обращался довольно строго, порой пуская в ход палку, приговаривая, что врачи тоже суровы с больными.

«Киносарг» означает «Зоркий пес», и его учеников стали звать киниками (или, в латинской транскрипции, циниками) по названию гимнасии. Впрочем, многие современники Антиффена издевательски производили имя его философской школы непосредственно от слова «кинос» («пес»), намекая на собачий образ жизни этих врагов цивилизации, ставивших ей в вину чуть ли не все человеческие бедствия и требовавших возврата к жизни «согласно при-

роде». Но, несмотря на то, что слова «собака», «пес» были ругательствами, киники гордились своим прозвищем.

Киносарг стал, выражаясь современным языком, культовым местом. Многим нравилось, что Антисфен не требует знания математики, как Платон, что кинические правила доступны всем сословиям. Добровольное нищенство стало входить в моду среди людей, желавших прослыть мудрецами. Приверженцы кинизма, среди которых было немало отпрысков знатных и состоятельных семей, гордо расхаживали по улицам Афин, напялив на себя худшее тряпье и выглядя как последние оборванцы. Сложенный вдвое короткий плащ на голое тело, котомка и посох стали своеобразной униформой киников, которые также переняли обычай Антисфена не стричься, не бриться и ходить босиком. Киников постоянно окружала атмосфера уличного скандала и сенсации. Так сбылась мечта Антисфена, и он стал Истинным Псом – основоположником школы кинизма.

Кинизм стал не столько философской теорией, сколько способом существования (надо заметить, что ни одно философское течение не оставило после себя столько анекдотов). Доктрина истинного циника – крайний индивидуализм человека, живущего сам по себе. Киники отрицали все земные приобретения, жили в самых грубых жилищах и питались только самой простой пищей. Окружение человека рассматривалось как причина страдания, заставляющая его все больше сосредоточиваться на своей внутренней природе.

Киники с вызовом именовали себя «космополитами» – «гражданами мира» и утверждали, что будут жить в любом обществе по своим собственным законам в качестве нищих и юродивых, считая такое не только бедственное, но и унижительное положение наилучшим. Киники хотели быть «нагими и одинокими»; социальные связи и культурные навыки казались им мнимостью, «дымом» (в качестве провокации они отрицали все требования стыда, настаивали на допустимости кровосмешательства и людоедства и т. п.). Все виды физической и духовной бедности для киников предпочтительнее богатства: лучше быть варваром, чем эллином, лучше быть животным, чем человеком.

Исходя из положений своей философской системы, Антисфен принялся за исправление нравов, считая это своим главным призванием. Он нападал на роскошь, высмеивал женские наряды. «Пусть дети наших врагов живут в роскоши!» – говорил он, а также: «Лучше безумие, чем наслаждение».

Антисфен буквально воспринял слова Сократа, призывавшего познать самого себя: человеку нужно лишь ясно определить, что ему дано природой, а что – наносное. Беда людей в том, что они засорили и затемнили представление о самих себе. Если же снять с понятия «человек» всяческие наслоения, то прояснится его истинное призвание, и философия нужна именно для того, чтобы помочь человеку найти свою истинную сущность – добродетель.

«Благородство и добродетель, – говорил он, – одно и то же. Достаточно быть добродетельным, чтобы быть счастливым; для этого ничего не нужно, кроме Сократовой силы духа. Добродетель проявляется в поступках и не нуждается ни в обилии слов, ни в обилии знаний». Добродетель есть подлинно человеческое поведение, настоящая свобода, достичь которой можно, следуя только своим естественным потребностям и отвергнув все лишнее. Полная независимость личности дороже всех благ, за которыми гоняются лишь глупцы. Но не только жизненные удобства, а и любые общепринятые правила Антисфен считал ненужной обузой, которую человек взвалил на себя по недомыслию. Презрев богатство, фальшивые понятия о гражданском долге и чести, отказавшись от минутных удовольствий плоти, легче всего найти себя и, следовательно, свое счастье.

Будучи последовательным атеистом, Антисфен, тем не менее, верил в посмертную жизнь, но отнюдь не торопился познать все блага Аида, считая жизнь священным даром. На вопрос, что блаженнее всего для человека, он сказал: «Умереть счастливым».

Достигнув преклонного возраста, Антисфен все же решил собственноручно прервать свое земное существование, поскольку заболел чахоткой, причинявшей ему немало страданий, а смерть сулила избавление от них. Не дожидаясь, когда его покинут последние силы и оставит разум, он вскрыл себе вены кинжалом, принесенным для этой цели Диогеном Синопским – его ближайшим учеником и наиболее ярким последователем идей кинизма.

АНТОНИЙ МАРК

(род. в 83 г. до н. э. – ум. в 30 г. до н. э.)

«Время не движется. День длится вечность. Бесконечность скуки этой жизни мне не вынести».

Уильям Голдинг

Самоубийство было довольно частым финалом политической карьеры в Древнем Риме. Одним из «многих славных», прошедших по этому пути, стал Марк Антоний – римский полководец, триумвир, трибун, преемник Гая Юлия Цезаря. Впрочем, Марк Антоний прославился не выдающимися моральными качествами (таковых за ним не наблюдалось), дальновидной политикой, мудростью решений или твердостью политических принципов подобно Катону Младшему или Марку Бруту. Наоборот, его образ жизни и многие поступки постоянно навлекали на себя гнев современников.

Но наших дней слава Антония достигла благодаря его любви к египетской царице Клеопатре. Это была страсть, которой он отдался всецело. Она привела его к войне, поражению, позору и, в конце концов, к самоубийству. Любовь Антония и Клеопатры воспета многими художниками слова, но наиболее ярко, пожалуй, она описана Уильямом Шекспиром. В пьесе «Антоний и Клеопатра» он с высокой исторической достоверностью живописует взаимоотношения главных героев и обстоятельства их смерти. Невозможно устоять перед соблазном не

призвать великого драматурга в «соавторы», так что некоторые события будут сопровождаться цитатами из шекспировской пьесы¹.

По легенде, род Антониев вел свое начало от самого Геракла, что якобы подтверждалось необычайным сходством Антония с портретами греческого героя. Марк Антоний родился предположительно в 83 г. до н. э. и был старшим сыном Марка Антония Критского, который не совершил особых подвигов на поприще служения государству. Собственно, прозвище «Критский» он получил в насмешку, когда, будучи претором², проиграл войну против пиратов и ставших на их сторону жителей Крита.

После смерти мужа мать Марка Антония снова вышла замуж – за Корнелия Лентула. Он в свое время стал участником заговора Каталины и был казнен по приказу Цицерона. Это стало причиной лютой ненависти Антония к оратору, и Цицерон заплатил жизнью за казнь Лентула.

Семья Антония не отличалась богатством, чего не скажешь о друге его юных лет Курионе, который прожигал жизнь, много времени проводил в кутежах и быстро привил Антонию любовь к развлечениям подобного рода. Пристрастие к разгулу сохранилось у него до самой смерти, и он не раз бросал государственные дела ради веселой пирушки.

Из-за своих пагубных пристрастий Антоний попал в «дурную компанию» и некоторое время был сторонником народного трибуна Клодия. Клодий возглавлял настоящую «банду» единомышленников, на которую опирался для достижения своих личных целей. Впрочем, вскоре, то ли не соглашаясь с методами политической борьбы Клодия, то ли опасаясь мести врагов, Антоний уехал в Грецию, где занялся телесными упражнениями и посвятил себя изучению ораторского искусства.

Вскоре Марку Антонию представилась возможность начать самостоятельную карьеру. Некто Авл Габиний, бывший консул, отправляясь править Сирией, пригласил Антония с собой. Тот сначала отверг предложение сопровождать Габиния как частное лицо и отправился с консулом, только получив должность начальника конницы – одну из высших в тогдашней иерархии. Антоний быстро проявил себя как талантливый полководец, отличившись в войне с иудейским царем Ариобулом и подавив поднятое им антиримское восстание. Затем он прославил себя в Египте, когда царь Птолемей XII Авлет был изгнан подданными из страны и предложил Габинию 10 000 талантов за помощь в захвате трона.

Кроме того, Антоний с легкостью завоевывал не только вражеские позиции, но и расположение солдат. Даже такие его черты, как хвастовство, постоянное зубоскальство, склонность к пьянству, и многочисленные любовные похождения импонировали солдатам.

Во время раздора между Гаем Юлием Цезарем и Гнеем Помпеем Магном Антоний вместе со своим другом Курионом принял сторону Цезаря. Ораторский талант Куриона и деньги Цезаря быстро принесли Антонию должность народного трибуна. В этой должности он оказал Цезарю немало услуг, но, в конце концов, вместе с Курионом был изгнан из курии³. После этого друзья присоединились к армии Цезаря, который, увидев, что политическая игра проиграна, перешел Рубикон и повел войска на Рим.

После захвата Рима Цезарь отправился в Испанию, чтобы разбить находящиеся там войска своего противника Помпея. Столицу он оставил под управлением претора Лепида, а Италию и войско доверил Антонию, который большую часть времени занимался не делами, а болтался среди солдат, упражнялся вместе с ними и раздавал подарки, чем завоевал популярность. Тем временем среди римлян нарастало недовольство Антонием, который не уделял должного внимания делам, был равнодушен к просителям и с упоением предавался разврату. Плутарх пишет: «...следует вообще заметить, что власть Цезаря, которая, поскольку это зависело от

¹ Перевод Михаила Донского.

² Преторы — высшие после консулов должностные лица, ведавшие судопроизводством.

³ Курия — здание для общественных собраний, иногда так называли и само собрание.

него самого, ничем не напоминала тиранию, была опорочена по вине его друзей; больше всего злоупотреблений приходится, по-видимому, на долю Антония».

Вернувшись из похода, Цезарь оставил без внимания многочисленные жалобы на Антония: полководческий талант неудачливого трибуна был нужен для грядущей войны с Помпеем. И Антоний не подвел. Он много раз выручал Цезаря: вовремя и с громадным риском обеспечил подкрепление при переправе через Ионийское море, дважды останавливал бегущих воинов в сражениях, в решающей битве при Фарсале командовал левым флангом войск Цезаря. Помпей был разбит.

Одержав победу, Цезарь стал диктатором и организовал преследование Помпея, а Антония назначил начальником конницы (фактически своим заместителем) и отправил в Рим. В Риме Антоний опять показал себя не с лучшей стороны: аристократии не нравился его, мягко говоря, нескромный образ жизни, а с представителем народа, трибуном Долабеллой, Антоний рассорился, заподозрив его в связи со своей женой (ее он выгнал из дому).

Вернувшись с войны, Цезарь заставил Антония прекратить разгульный образ жизни (несмотря на то, что любовные похождения самого Цезаря вызывали массу пересудов). Антоний женился на Фульвии, вдове своего приятеля Клодия, женщине с властным и твердым характером. Вот что пишет Плутарх: «Фульвия замечательно выучила Антония повиноваться женской воле и была бы вправе потребовать плату за эти уроки у Клеопатры, которая получила из ее рук Антония уже совсем смиренным и привыкшим слушаться женщин».

Убийство Цезаря и отношения Антония с заговорщиками уже описаны в статье, посвященной Бруту. После бегства Брута, Кассия и их сторонников вокруг Антония сплотились бывшие цезарианцы. Вдова убитого передала Антонию все деньги и бумаги Цезаря, в том числе и завещание. Антоний стал хозяином положения, он по собственному усмотрению распределял государственные должности, ссылаясь на волю покойного.

Однако такая безоблачная жизнь длилась недолго. На римской политической арене появился молодой человек, который, в конце концов, стал причиной смерти Марка Антония, – наследник Цезаря Гай Юлий Цезарь Октавиан. Он приехал в Рим к Антонию и напомнил о деньгах, отданных тому на хранение, ведь согласно завещанию из этих средств каждый римлянин должен был получить по 75 динариев. Антоний, разумеется, не спешил раздавать эти деньги гражданам Рима. Финансовые разногласия и открывшаяся нечистоплотность Антония в денежных делах привели к вражде между ним и Октавианом. Антоний мало того, что не отдавал деньги, но еще и унижал Октавиана, препятствуя его политической карьере. Вскоре сторону Октавиана принял Цицерон и другие противники Антония.

Через некоторое время, после неудачной попытки примирения, противники собрали войска, готовясь к кровопролитной войне. Цицерон настроил сенат против Антония, которого объявили врагом государства, Антоний проиграл битву с войсками консулов и был изгнан из Италии.

Бежав через Альпы, он добрался до войск Лепида, старого друга Цезаря. Тот, впрочем, не спешил поддержать Антония, и тогда он, умело используя свою популярность среди солдат, склонил воинов Лепида на свою сторону. К чести Марка Антония следует сказать, что с Лепидом он поступил по тем временам великодушно, сохранив за ним все почести и титул императора, который первоначально был почетным титулом полководца.

В это время в Риме произошел раскол между Октавианом и Цицероном: Цицерон был сторонником республики, а Октавиан стремился к единовластию. Октавиан предложил Антонию и Лепиду провести переговоры, в результате которых государство было разделено на три части. Единственную сложность на переговорах вызвало составление проскрибций – списков лиц, объявленных вне закона (людей, попавших в эти списки, мог безнаказанно убить кто угодно, а их имущество конфисковывалось). В конце концов договоренность была достигнута, произошел страшный и бесчеловечный обмен тяжелыми фигурами: Октавиан уступил Анто-

нию Цицерона, а в обмен отдал жизнь своего дяди Луция Цезаря. Всего в проскрибций попало около трехсот человек.

Антоний приказал своим людям не просто найти и убить Цицерона, но отрезать ему голову и руки – орудия, которые помогали Цицерону писать «Филиппики» против него⁴. Получив эти трофеи, Антоний смеялся от радости, а затем велел разместить их на ораторском возвышении форума. Уже в те времена подобный поступок был беспримерной дикостью, и Антоний лишний раз дал повод считать себя варваром, рушащим традиции Римской империи.

После заключения договора с Лепидом и Октавианом Антоний использовал свою власть преимущественно для личного обогащения, продавая имущество проскрибированных и вводя новые налоги. Антоний предался безудержному кутежу – своему излюбленному занятию со времен юности.

В 42 г. до н. э. началась очередная военная кампания – Антоний и Октавиан выступили в поход против войск Брута и Кассия, одержав выдающуюся победу. После этого Октавиан отправился в Рим, а Антоний продолжил победоносный поход. Во главе большого войска он двинулся в Грецию, оттуда – в Азию, закатывая по пути грандиозные пиршества и собирая дань. Любовь к пирам и обильным возлияниям не осталась незамеченной; жители греческого Эфеса, желая польстить Антонию, устроили ему встречу, на которой прославляли его под именем Диониса – бога вина и веселья. Это сравнение и закрепилось за ним.

Добравшись до Киликии⁵ и готовясь к войне с Парфией, Антоний решил примерно наказать египетскую царицу Клеопатру, предварительно выслушав ее оправдания по поводу того, почему она помогала деньгами не только войску Антония, но и его противнику Кассию. Антоний отправил в Египет гонца и велел Клеопатре явиться к нему для объяснений. Это, казалось бы, незначительное решение перевернуло всю его жизнь.

Клеопатра явилась к Антонию не как обвиняемая. Она прибыла покорять и, похоже, знала, что для этого нужно. Приготовив щедрые дары для Антония и роскошные наряды для себя, царица отправилась в Киликию.

Она плыла на специально построенной ладье с вызолоченной кормой, пурпурными парусами и посеребренными веслами. Под музыку флейт, свирелей и кифар дружно двигались весла. Клеопатра возлежала под навесом в наряде богини любви Афродиты. По сторонам лежа стояли переодетые Эросами мальчики с опахалами; самые красивые рабыни стояли на палубе, изображая нимф. Вдоль всей реки ладью провожали толпы почтительно согнувшихся египтян, вышедших взглянуть на это чудо; люди славили Клеопатру, без усталости повторяя, что Афродита плывет навстречу Дионису.

Стоит ли говорить, что равнодушный к чувственным наслаждениям Антоний не устоял перед таким великолепием вкупе с грубой лестью. Увлеченный Клеопатрой, Антоний бросил все свои дела и отправился с нею в Египет, где предался разгулу, какой не снился его далекому потомку Нерону.

Богатейшие граждане Александрии, города, где обосновались Антоний и Клеопатра, образовали группу и назвали ее «Союз неподражаемых». «Неподражаемые» ежедневно закатывали роскошные пиры, неизменными участниками которых были Антоний и Клеопатра. В это время супруга Антония Фульвия вела войну против Октавиана, защищая интересы мужа, а парфяне хозяйничали в Месопотамии.

И вот в самый разгар своих развлечений Антоний получает две новости, причем обе плохие. Первая – его супруга Фульвия и брат Луций потерпели поражение в войне с Октавианом и бежали из Италии. Вторая – парфяне вторглись в Азию и успешно ее покоряют. Немного придя

⁴ Изначально филиппиками назывались речи Демосфена, направленные против Филиппа Македонского, а позднее Цицерон заимствовал название у греческого оратора и патриота, намекая, в том числе, на свою верность идеалам Рима, которые попирает Марк Антоний.

⁵ *Киликия* — в древности область в Малой Азии на юге современной Центральной Турции.

в себя, он решил идти против парфян, но тут получил письмо от Фульвии, которая потребовала Антония к себе. Прекратив поход, он во главе двухсот судов отправился в Италию, но, пока был в дороге, Фульвия, двигавшаяся ему навстречу, заболела и умерла.

Нет худа без добра. Смерть Фульвии помогла Антонию в 40 г. до н. э. заключить новое соглашение с Октавианом. Держава была поделена на две части. Западную получил Октавиан, восточную – Антоний, а Африку отдал Лепиду. Для укрепления отношений Марк Антоний женился на сводной и горячо любимой сестре Октавиана, Октавии. В Азию для борьбы с парфянами был отправлен полководец Вентидий, а сам Антоний остался править в Риме вместе с Октавианом. Казалось, отношения между ними наладились, однако самолюбие Антония постоянно страдало: в забавах и играх Октавиан всегда превосходил его. Один египетский предсказатель как-то сказал ему: «Твой гений боится его гения, сам по себе он высокомерен и кичлив, но вблизи от него впадает в смирение и уныние».

В 38 г. до н. э. Антоний получил известие о победах Вентидия и отправился в Азию разделить с полководцем славу победителя. После этого он снова проникся враждой к Октавиану и отправился воевать с ним в Италию во главе флота из трехсот судов.

Однако в этот момент дала о себе знать жена Антония. Она смогла если не предотвратить, то отсрочить гражданскую войну. Покинув мужа, беременная Октавия отправилась к брату и убедила его не вступать в войну. После примирения и обмена любезностями Антоний оставил жену и своих детей (в том числе и от первого брака) на попечение Октавиана и отправился на войну с Парфией.

По мере приближения к Сирии все горячее становилась, казалось, угасшая любовь к Клеопатре, и Антоний не мог не увидаться с ней. Он поручил одному из своих приближенных привезти Клеопатру в Сирию, где сделал ей предложение и милый свадебный подарок: Кипр, часть Сирии, Киликии, Иудеи и Набатеysкой Аравии⁶. Двойняшек – Александра Гелиоса и Клеопатру Селену, рожденных от него царицей, Антоний признал своими детьми.

Отправив Клеопатру в Египет, Марк Антоний пошел на парфян. Кампания оказалась неудачной из-за поспешности полководца, которому не терпелось вернуться к египтянке. Формально римляне не проиграли ни одной битвы, но ничего не смогли и выиграть. Им пришлось отступить ни с чем, и отступление оказалось долгим и тяжким: в походе погибли 32 тысячи человек, в основном из-за болезней и голода. Завершив свой бесславный поход, Антоний не вернулся в Рим, а направился к Клеопатре.

В 33 г. до н. э. он собрался вступить в новую войну с парфянами, и, чтобы поддержать мужа, к нему собралась ехать Октавия. Ее брат Октавиан решил, что поездка может стать удобным поводом к войне, ведь Марк Антоний, скорее всего, окажет его сестре оскорбительный прием. По пути к мужу Октавия получила письмо, в котором Антоний просил ждать его возвращения в Греции. Она понимала, что он стремится отделаться от нее. Тем не менее, написала ответ, в котором спрашивала, куда направить войска (две тысячи великолепных воинов) и груз, который был при ней – вьючные животные, деньги, одежда для солдат, подарки для полководцев. Пока Антоний развлекался, Октавия просчитывала стратегию и тактику ведения войны с Парфией.

Узнав о планах Октавии, Клеопатра испугалась потери влияния на Антония и начала всеми способами демонстрировать ему свою любовь. Она прибегала к всевозможным уловкам: практически ничего не ела, чтобы выглядеть истощенной, плакала «украдкой», но так, чтобы Антоний непременно заметил. Ее страдания удивительным образом совпали с предполагаемым сроком похода Антония и его нового союзника, царя Мидии, на парфян. Однако, испугавшись, что Клеопатра умрет, Антоний отложил войну и отправился к ней в Александрию.

⁶ *Набатейя* — государство на территории современной Иордании, завоеванное Римом.

Тем временем Октавия вернулась в Рим. Октавиан, оскорбленный выходкой Антония, просил сестру покинуть дом ее мужа, но она отказалась, продолжая жить там и воспитывать детей, причем не только своих, но и приемных, от брака Антония и Фульвии. Более того, Октавия пыталась уговорить брата не начинать войну с Антонием; она тепло принимала друзей мужа, при необходимости ходатайствовала за них перед братом. Ее поведение вызвало волну возмущения римлян, которые не могли простить Антонию черную неблагодарность по отношению к жене. Он между тем устроил в Александрии пышную церемонию раздела земель между Клеопатрой и ее детьми, что вызвало очередную волну недовольства, старательно поддержанную Октавианом.

Антоний стал готовиться к войне и собирался отправить Клеопатру в Египет. Она же, опасаясь, что Октавия вновь примирит соперников, подкупила одного из советников, который убедил Антония в том, что царица должна принимать участие в походе. В результате, пока войско готовилось к войне, Антоний и Клеопатра отправились развлекаться на остров Самос, где собрали громадное количество актеров и музыкантов. Там собрались все цари, которые должны были принять участие в грядущей войне, а пока соревновались в пышности пиров и подношений. Желая угодить Клеопатре, Антоний послал в Рим своих людей с приказом выгнать Октавию из дому. По легенде, Октавия, покидая дом, сокрушалась, что стала одной из виновниц грядущей войны.

Несмотря на непрекращающиеся кутежи, Антонию удалось собрать грандиозное войско, значительно превосходившее армию Октавиана. Тот отставал в приготовлениях и был вынужден ввести неслыханные дотоле налоги. Однако Антония подвела праздность – если бы он выступил против Октавиана летом 32 г. до н. э., то не оставил бы ему шансов на победу. Но Антоний продолжал наслаждаться жизнью, считая, что ему некуда спешить.

Тем временем, под давлением Октавиана сенат принял два решения: объявить войну Клеопатре и лишить Антония властных полномочий.

К тому моменту под началом Антония находилось около пятисот боевых кораблей, на которых, правда, не хватало матросов: начальники триер ловили случайных прохожих по всей Греции, пытаясь пополнить ими корабельные команды (из-за нехватки гребцов Антоний даже приказал сжечь все египетские корабли, кроме шестидесяти лучших). Морские баталии для армии Антония были в новинку. Флотилия Октавиана была вдвое меньше, но его корабли были полностью укомплектованы гребцами, а команды имели опыт ведения войны на море.

Что до сухопутных войск, то у Октавиана было восемьдесят тысяч пехотинцев и двадцать тысяч всадников, у Антония – сто тысяч пехоты и двадцать тысяч кавалерии. Октавиан, страшась сражения на суше, вызвал его на морскую битву. В ответ Антоний предложил поединок, несмотря на то что был значительно старше. Поединок не состоялся.

Все говорило о том, что Антонию следует искать сражения на суше, но в угоду Клеопатре он решил добиться победы в морском сражении, что было, по меньшей мере, неразумно. Советники отговаривали его от морской битвы, но Клеопатра взяла верх.

Плохая погода в течение нескольких дней не давала возможности выйти в море, но 2 сентября 31 г. до н. э. наступил штиль и у мыса Акции (Акциум, Акий) началась битва. Долгое время вражеские флотилии не предпринимали никаких действий, но около полудня людям Антония наскучило ожидание и, полагаясь на размер своих кораблей, левое крыло пошло в наступление. Баталия началась.

И тут, в самый напряженный момент битвы, когда невозможно было предсказать ее исход, шестьдесят египетских кораблей под началом Клеопатры подняли паруса и обратились в бегство. Но даже в этой ситуации положение можно было исправить, однако действия Антония свидетельствуют о том, что страсть к египтянке лишила его остатков здравого смысла. Вместо того чтобы продолжать битву на море или, используя свои все еще громадные войска,

дать битву на суше, он устремился следом за своей возлюбленной, бросив сражавшихся за него людей на произвол судьбы.

Любовь воинов к Антонию была настолько сильна, что даже те, кто видел его бегство собственными глазами, отказывались верить увиденному. Оставшиеся на берегу (девятнадцать легионов и двенадцать тысяч всадников) еще семь дней хранили верность своему императору, веря, что он вот-вот даст о себе знать, а потом перешли на сторону противника. Поражение Антония было очевидно.

Догнав корабль Клеопатры, Антоний поднялся на борт. Переполняемый стыдом и гневом на царицу, он не захотел даже увидеться с ней, а сел на носу корабля и провел там три дня:

...О! Сгорю я со стыда,
Взглянув на ту, за кем вослед пустился.
И волосы мои в междоусобье:
Седые выговаривают черным
За безрассудство; черные – седым
За трусость и влюбленность...

Только на четвертый день Антоний заговорил с Клеопатрой, а после разделил с ней стол и ложе. Прибыв в африканский город Паретонию, он отправил царицу в Египет, а сам целыми днями бесцельно бродил по городу: африканские войска Антония тоже перешли на сторону Октавиана. Он был раздавлен и хотел лишиться себя жизни, но его удержали друзья, отправив в Александрию к Клеопатре.

Царица тем временем готовила бегство, собираясь нагрузить корабли сокровищами, перетащить их волоком в Красное море и искать убежище в далеких от Рима странах. Однако перемещению кораблей воспротивились арабские племена, и потом, оставалась надежда, что Антонию хранят верность сухопутные войска при Акцииуме. Поэтому она решила повременить с бегством.

Антоний предавался печали. Он велел протянуть от Фароса в море длинную дамбу, на которой в одиночестве лелеял свое горе, не заботясь о судьбе войска. Получив известие о потере войска, Антоний вернулся в город и запер. «Союз неподражаемых» уступил место «Союзу смертников», состоявшему из друзей Антония, которые решили принять смерть вместе с ним. Последние дни жизни они посвятили празднествам. Клеопатра тоже стала готовиться к смерти, собирая всевозможные яды и испытывая их действие на приговоренных к смерти преступниках и рабах.

Антоний и Клеопатра надеялись спастись и отправили к Октавиану послов. Антоний просил дать ему возможность прожить остаток дней в качестве частного лица в Египте или, на худой конец, в Афинах. Клеопатра просила передать власть над Египтом ее детям. Октавиан ответил, что поступит с Клеопатрой великодушно, если она изгонит или умертвит Антония. Этот ответ вкупе с ее долгой беседой с посланником Октавиана возбудил подозрения Антония. Чтобы развеять их, царица старалась во всем угождать римлянину.

Тем временем дела призвали Октавиана в Рим. Поход был отложен до весны 30 г. до н. э., когда его войска двинулись на Египет через Сирию и Африку. Клеопатра велела перенести царские сокровища в усыпальницу и сложить там паклю и смолистые щепки, чтобы иметь возможность уничтожить богатства. Обеспокоенный судьбой сокровищ, Октавиан стал посылать Клеопатре письма, выражающие дружелюбные намерения, одновременно накапливая силы для решающего сражения с Антонием.

В битве под Александрией Антоний храбро сражался, и его войска обратили в бегство конницу Октавиана. Вернувшись во дворец, он представил Клеопатре отличившегося воина.

Царица наградила храбреца золотыми доспехами, а ночью перешла на сторону Октавиана (ее солдаты понимали, что борьба с превосходящими силами противника безнадежна).

Антоний вновь вызвал Октавиана на поединок, но тот ответил, что к смерти ведет много дорог. Антоний стал искать ее в сражениях. За обедом он просил рабов наливать ему побольше вина и давать куски повкуснее, так как не знал, будут ли они служить ему завтра. Другьям Антоний сказал, что не ведет их за собой в битву, ибо ищет не победы, а славной смерти.

По легенде, в ночь перед последним сражением тишину нарушила музыка, крики, топот, будто по улице двигалась свита Диониса. Призрачная толпа прошла через центр города и двинулась в сторону войск Октавиана, где шум смолк. Знамение толковали так: Антония покинул его бог.

Утром Антоний построил войска для обороны города и стал наблюдать, как его корабли выходят навстречу неприятельскому флоту. Как только флотилии сблизилась, моряки Антония подняли весла, приветствуя суда Октавиана, и присоединились к врагу. Не лучше обстояли дела и на суше: конница перешла на сторону противника, а пехота потерпела поражение. Антоний понял, что Клеопатра предала его, и направился к ней.

В страхе перед гневом Антония царица заперлась в усыпальнице и приказала слугам сообщить ему о своей смерти. Это известие ошеломило Антония. «Что же ты медлишь, Антоний? – воскликнул он. – Ведь судьба отняла у тебя последний и единственный повод дорожить жизнью и цепляться за нее!» Войдя в спальню, он продолжал: «Ах, Клеопатра, не разлука с тобой меня сокрушает, ибо скоро я буду в том же месте, где ты, но как мог я, великий полководец, позволить женщине превзойти меня решимостью?!»

Когда-то Антоний взял со своего раба Эрота обещание, что тот убьет хозяина в случае надобности. Раб взял в руки меч, но не смог заколоть Антония и нанес смертельный удар себе. Со словами: «Спасибо, Эрот, что учишь меня, как быть, раз уж сам не можешь исполнить, что требуется», – Антоний вонзил меч себе в живот. Удар оказался несмертельным, и он пришел в себя, умоляя о смерти. Но все разбежались, оставив своего предводителя умирать в муках.

Вскоре явился посланец Клеопатры, чтобы доставить Антония к ней в усыпальницу. Узнав, что царица жива, Антоний велел нести себя к ней. Дверь усыпальницы, где кроме нее находились только ее служанки Ирада и Хармион, Клеопатра не открыла, опасаясь предательства слуг. Царица и ее помощницы сбросили из окна веревки, которыми слуги обвязали Антония, и втянули его наверх. Невозможно представить себе более трагичное зрелище: залитый кровью, борющийся со смертью Антоний беспомощно висел в воздухе, простирая руки к Клеопатре.

Когда он оказался наверху, Клеопатра уложила его на ложе и, разорвав на себе одежду, била себя в грудь и раздирала ее ногтями. Лицом она вытирала кровь с раны Антония, называя его своим господином, супругом и императором. Антоний попросил вина, то ли потому, что хотел пить, то ли надеясь, что это ускорит его кончину. Напившись, он стал уговаривать Клеопатру подумать о спасении, если при этом удастся избежать позора. Его же, Антония, горькую судьбу велел не оплакивать, ведь в ней было много прекрасного, и он счастлив, поскольку был знаменитейшим из людей, обладал могуществом, равного которому не было в мире, и погиб славной смертью римлянина, побежденного римлянином. С этими словами Антоний умер.

... Не надо сокрушаться о плачевном
Моем конце. Пускай тебя утешат
Воспоминанья о счастливых днях,
Когда прославленнейшим, величайшим
Я был среди властителей земных.
Я умираю не позорной смертью.
Я не склонился, сняв трусливо шлем,

Пред соплеменником победоносным,
Но принял смерть как римлянин, который
Был римлянином честно побежден...

В тот момент, когда раненого несли к Клеопатре, его телохранитель подобрал меч Антония и побежал к Октавиану, чтобы сообщить о смерти врага. Увидев окровавленный меч и услышав о случившемся, Октавиан стал оплакивать смерть своего бывшего соправителя и товарища:

...Увы, Антоний,
Вот до чего ты мною доведен!
Но что же делать, если нам
На теле собственном пришлось вскрывать нарывы?
Двоим нам было тесно во вселенной.
И все ж позволь оплакать мне тебя
Тяжелыми слезами, кровью сердца...

Пригласив друзей, он стал читать им свою переписку с Антонием:

...Я покажу вам письма, по которым
Вы сможете судить, как был я сдержан,
Как миролюбив, и убедитесь,
Что я неволью втянут был в войну...

Непонятно, насколько искренен был Октавиан – возможно, он просто хотел снять с себя вину за смерть соперника, а может, подражал Цезарю, который никогда не радовался смерти врагов, если те были римлянами. Во всяком случае, он сразу же отправил к Клеопатре своего человека. Победителя волновала судьба сокровищ царицы, а кроме того, он хотел представить ее как свой трофей в триумфальном шествии в Риме.

Октавиан разрешил Клеопатре похоронить Антония, и она воздала своему возлюбленному царские почести.

И еще несколько слов о детях Антония. От брака с Фульвией у него было два сына, Антулл и Антоний. Антулла по приказу Октавиана казнили, дабы он не мог претендовать на наследство отца. Мальчика выдал его дядя Феодор, который похитил с шеи убитого драгоценный камень, когда Антулле отрубили голову. Впрочем, справедливость по-римски восторжествовала: Феодор был распят.

Остальных отпрысков триумвира взяла к себе на воспитание его жена Октавия, проявив редкое для любых времен благородство. Она даже выдала замуж за второго сына, Антония, собственную дочь от первого брака и возвысила его так, что он стал третьим лицом при Октавиане Августе. Клеопатру Селену, дочь царицы Египта и Антония, она выдала замуж за царя Нумидии, названного Плутархом самым ученым из царей.

Но наибольшую известность (хотя в ряде случаев печальную) получили потомки дочерей Антония и Октавии; среди них следует назвать полководца Германика, императоров Гая Калигулу, Клавдия и Нерона.

БАШЛАЧЕВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

(род. в 1960 г. – ум. в 1988 г.)

«...По шершавому бетону
на коленях вниз
Разлететься, разогнаться – высота,
карниз».

Янка Дягилева

«...Если нам не отлили колокол,
Значит, здесь – время колокольчиков!»

Александр Башлачев

1980-е годы – целая эпоха в развитии отечественной музыки. Именно тогда сформировался и достиг своего апогея «русский рок» – совершенно особое явление в мировой культуре. 80-е были невероятно трудным, но фантастически плодотворным временем существования отечественной рок-музыки – эпохой подпольных квартирных концертов, безденежья, травли со стороны властей, запретов на публичные выступления. Вообще, самый главный факт истории русского рока – это его полное официальное непризнание, чем рокеры (и музыканты, и «сочувствующие») весьма гордились. Более того, именно противодействие официально разрешенным формам досуга стало причиной расцвета контркультуры, нового «народного» творчества, существующей в противовес вокально-инструментальным коллективам, лубочным ансамблям

народной песни и пляски и официозной эстраде с ее идеологически выдержанным репертуаром.

Казалось бы, 80-е годы были не так уж давно, но они уже овеяны легендами. Более того, у них даже есть собственное название – «время колокольчиков», которое, правда, закрепилось позже. А тогда так называлась знаменитая на весь Советский Союз песня Александра Башлачева, ранняя смерть которого стала одной из самых больших утрат русской поэзии XX века. Сегодня это имя редко где услышишь, а когда-то его песни знал весь Советский Союз.

В середине 80-х, когда советская цензура переживала свой очередной «золотой век», путь в официальную литературу для Башлачева был закрыт наглухо. В Центральный дом литераторов не пускали, если у тебя колокольчики на шее (да при этом еще и волосы длинные). А на рок-сцену – пожалуйста. И в театр на Таганке пускали: бери гитару и пой, если есть что сказать людям. Он так и делал, этот парень из пролетарского Череповца, поэтический гений с поразительным языковым чутьем. Интересно, что манера написания стихов была у него такой же, как у Осипа Мандельштама: сначала он пропускал по одному слову в каждой строчке, придумывая и вставляя их в текст позже.

Очень многие считали его знаменитым ленинградским рок-музыкантом, родившимся в Череповце, хотя на самом деле Александр – череповецкий рок-музыкант и поэт, погибший в Ленинграде. Двадцать четыре года из двадцати восьми, отпущенных ему судьбой, Александр жил в Череповце, учился в школе, влюблялся, писал стихи, работал корреспондентом и был, по сути, одним из 300 тысяч горожан. Так продолжалось до тех пор, пока его песни совершенно случайно не услышал музыкальный критик и знаток рока Артем Троицкий.

За короткий промежуток времени Башлачев создал более шестидесяти песен, принадлежащих его «золотому запасу». Хотя на формирование его стиля и поэтического языка, без сомнений, повлияли Высоцкий и Галич, Гребенщиков и Науменко, поэтические эксперименты начала века и древнерусская эпическая поэзия, Башлачев создал свой собственный художественный мир.

В своих песнях он обратился к древнейшим славянским традициям, приметам и мифам и через какие-то неясные, туманные, но почему-то до боли знакомые нам образы передал всю мощь и силу славянства. У Башлачева не было всенародной популярности, его не показывали по телевизору и не приглашали выступать на стадионах. Обычно его надрывный голос звучал в прокуренных квартирах и маленьких залах местных Домов культуры. Его сравнивали с Джимом Моррисоном, обладавшим удивительным магическим даром завораживать слушателей, ведь концерты Александра Башлачева часто напоминали гипнотический сеанс.

При жизни советские газеты не написали о нем ни строчки, но сразу после его смерти ситуация изменилась и начали появляться высказывания следующего характера: «Он стал одним из наиболее значительных явлений в отечественной рок-музыке. В его многослойных, полных неожиданных ассоциаций, парадоксального юмора и виртуозной игры словами, смелых рифм и сложных размеров стихах-песнях причудливо переплелись архаика и современность, былинные сюжеты и реалии рок-бытия, высокая трагедия и откровенное скоморошество».

В сухом изложении творческая биография Александра Башлачева, титулованного после смерти родоначальником русского национального рока, выглядит так.

Александр Николаевич Башлачев родился 27 мая 1960 г. в Череповце Вологодской области. Его отец, Башлачев Николай Алексеевич, работал начальником участка на Череповецком металлургическом заводе в теплосиловом цехе, мать, Башлачева Нелли Николаевна, – преподавателем химии в школе рабочей молодежи № 4.

С 1967 по 1977 год Александр учился в средней школе города Череповца. В 1977 г. пошел работать на Череповецкий металлургический комбинат художником, а в 1978-м поступил в Уральский государственный университет (Свердловск) на факультет журналистики. Во время

учебы писал тексты для череповецкой группы «Рок-Сентябрь». В 1983 г. появляются первые известные песни, в частности «Грибоедовский вальс» – одно из первых спетых им сочинений.

В этом же году Башлачев закончил учебу в университете и вернулся домой, где устроился журналистом в газету «Коммунист». В мае 1984 г. он посетил питерский рок-фестиваль, где, по слухам, купил себе гитару. В сентябре этого же года на квартире у своего друга Леонида Парфенова (ныне известного тележурналиста) познакомился с опальным в ту пору музыкальным критиком Артемием (тогда еще Артемом) Троицким и показал ему свои песни. Троицкого очень заинтересовало творчество Башлачева, и он пригласил его сначала в Москву, а потом в Питер, где организовал несколько квартирных концертов.

Вскоре Саша купил билет на поезд «Череповец – Ленинград» и распрощался со своим маленьким городом навсегда. Он отказался от карьеры в журналистике, от беззаботной жизни с родителями. В Петербурге Башлачеву понравилось, и он решил остаться: «В Москве можно жить, а в Ленинграде стоит жить!»

А было это как раз в разгар правления Ю. Андропова. Летом 1983 г. начались массовые аресты рок-музыкантов. Первыми стали Арутюнов и Алексей Романов из «Воскресенья», которому в тюрьме так отбили ухо, что на какое-то время он потерял слух. Запретили печатать Артемия Троицкого. Юрию Шевчуку сломали два ребра. В марте 1984 г. «взяли» Жанну Агузарову. Летом следующего года множество людей были арестованы «за нетрудовые доходы».

В 1984 г. Башлачев устроился на работу в знаменитую питерскую котельную «Камчатка», через которую прошли многие музыканты. Туда же приезжали любители альтернативной музыки, а также иностранцы – послушать «русский рок». Именно в стенах «Камчатки» кто-то придумал ему прозвище СашБаш.

В марте 1985 г. в зале медицинского училища состоялось первое публичное выступление, где он вместе с Юрием Шевчуком спел несколько песен на неофициальном концерте. В 1995 г. эти песни будут изданы фирмой «Manchester Files» на совместном альбоме под названием «Кочегарка». В 1985 г. Александр Башлачев записал альбом «Третья столица» (по словам Александра, первые две столицы – Москва и Питер, а третья – самая главная – вся Россия).

Январь 1986 г. стал для него необычайно активным концертным месяцем, в течение которого были произведены две записи, впоследствии рассматриваемые издателями как студийные – запись в домашней студии А. Агеева и запись концерта в Театре на Таганке. В апреле 1986-го в домашней студии А. Липницкого был записан альбом «Вечный Пост», оригинал которого Башлачев затер в октябре того же года, а в мае была написана последняя из сохранившихся песен – «Вишня».

Весной 1986 г. Александр случайно (впрочем, как всегда бывает, когда речь идет о судьбе) познакомился с Настей Рахлиной, с которой не расставался до самой своей смерти. Они жили без денег, без прописки, без крыши над головой. Сейчас довольно трудно представить себе, что это такое «жить без прописки»... Хотя, пожалуй, аналог есть: жизнь «без регистрации» в тех же Москве или Санкт-Петербурге – полулегальное положение, невозможность найти постоянную работу, всевозможные ухищрения, чтобы не встретиться с милицией.

Настя, коренная тулячка, оформила временную прописку в московском общежитии как студентка. Саша фиктивно женился на некоей Жене Каменецкой из Питера – тоже ради прописки.

Иногда друзья пускали переночевать к себе влюбленную пару. Если везло, они получали ключи на две-три недели. Настя никак не могла устроиться на работу. Башлачев все реже и реже давал концерты и совсем перестал писать стихи. У него участились приступы депрессии. «Что-то произошло, – недоумевал он. – Я потерял творческий дар».

В середине 1986 г. Саша перебрался в Москву, поближе к Насте, и следующие два года были для них очень тяжелыми. В Москве Башлачев кормился исключительно квартирными

концертами, а когда совсем не было денег, ходил по окрестным подъездам, собирал бутылки, покупая на вырученные деньги еду.

В начале 1987 г. он дал несколько квартирных концертов, а весной начал сниматься в документальном фильме А. Учителя «Рок». Неожиданно для всех в процессе съемок Башлачев отказался от своей роли, а из фильма были вырезаны все кадры с его участием.

С 3 по 7 июня в Питере проходил пятый рок-фестиваль, где Александру вручили приз «Надежда».

Артемий Троицкий вспоминал: «В 1987 г. мы встретились с Башлачевым на питерском рок-фестивале, и я спросил, есть ли что-то новенькое. Он ответил, что как-то не пишется, а потом стал рассказывать странные вещи. Говорил, что в конце 1986 г. попал в «черную компанию», связанную с наркотиками. Причем там ставили своего рода эксперименты с наркотиками, дело доходило до суицида. А к смерти он был готов всегда. Последние два года он балансировал на тонкой грани. Он часто говорил о смерти – и почти все его последние песни были о смерти».

Потом Башлачев появился на фестивале в подмосковной Черноголовке, принял участие в работе над фильмом Петра Солдатенкова «Барды проходных дворов» (в прокате шел под названием «Игра с неизвестным»), однако по неясным причинам в последний момент снова отказался сниматься. В августе поэт написал свою последнюю песню, которая не сохранилась. Предпринятая тогда же попытка профессионально записать Башлачева для пластинки на ленинградском отделении «Мелодии» тоже не удалась.

В последний год своей жизни Александр явно испытывал внутренний кризис: не мог писать, на него накатывали приступы депрессии, совершил несколько попыток самоубийства, причем одну – накануне пятого рок-фестиваля. В течение последнего года Башлачев редко бывал трезвым (и это притом, что он пьянел буквально от стакана вина).

В ноябре 1987 г. Настя забеременела, причем и она, и Александр были уверены, что у них будет мальчик. Сразу всплыли три имени из башлачевских песен: Ваня («Ванюша»), Степан («Грибоедовский вальс») и Егор («Егоркина былина»). Выбор пал на последнее. Егор родился через полгода после смерти отца. Многие знакомые Александра были удивлены, узнав, что у Башлачева была гражданская жена, а позже появился и сын.

В начале 1988 г. в настроении Башлачева, казалось, наступил просвет: он дал несколько концертов в Москве и запланировал свои новые выступления. Последним был концерт на квартире Марины Тимашевой 29 января.

3 февраля Башлачеву надо было ехать в Ленинград, чтобы получить зарплату в кочегарке, где он по-прежнему числился, и решить накопившиеся проблемы. Остановился он у фиктивной жены Жени Каменецкой.

Вечером 16 февраля на ее квартире состоялась бурная вечеринка с огромным количеством вина. Саша в тот вечер не пил: утром они собирались с Женей и ее молодым человеком пойти в баню. Ночью он позвонил в Москву, Насте, она очень обрадовалась этому звонку, щебетала без умолку. Саша молчал. За весь разговор он сказал только одну фразу: «Нюсенька, береги дитя!» Саша положил трубку и завел будильник на 10 утра.

Проснувшись, он не смог разбудить остальных: «Ты что, с ума сошел: какая баня в такую рань! Голова еще трещит». Никто не знал, сколько прошло времени, просто в какой-то момент Женю Каменецкую как будто подбросило. Она выбежала на кухню. Окно было распахнуто настежь. Дату на настенном календаре – 17 февраля 1988 г. – кто-то обвел черным фломастером. Через несколько минут в дверь позвонили. «Не у вас из окна человек упал?...» – осторожно осведомился мужчина с погонами.

Смерть Башлачева долго мусолили в околмузыкальных кругах. Одни приписывали ему шизофрению, другие – увлечение алкоголем, третьи – наркотики. Очевидно одно: решение это было принято не под влиянием момента, а стало результатом мучительного выбора. По

свидетельству друзей, в последние месяцы Александр почти все время говорил о смерти, а точнее, о способах самоубийства. Казалось, он выбирает, как ему эстетичнее уйти из жизни. Без крови и грязи...

Его похоронили на Ковалевском кладбище в Ленинграде.

Через полгода после смерти Александра Настя отправилась рожать сына к его родителям в Череповец. Полгода она провела в Череповце с Сашиним отцом, матерью и его младшей сестрой Леной. Замуж Настя так и не вышла.

В 1991 г. петербургское издательство «Новый Геликон» выпустило единственное на данный момент собрание песен и стихов Башлачева «Посошок». Начиная с 1989 г., вышло более двух десятков пластинок, кассет и компакт-дисков с его записями.

Сейчас его поступок уже не выглядит таким логичным, хотя ранний уход поэтов и по сей день не кажется чем-то противоестественным – очень уж много примеров, когда талант погибал в самом расцвете творческих сил. Бытует даже мнение, что настоящий художник предпочтет яркую жизнь и раннюю смерть, чем долголетие и постепенное угасание таланта. Возможно, в этом высказывании есть доля правды, но оно больше похоже на попытку сгладить боль утраты и примириться с ней, чем на утверждение окончательной истины.

БРУТ МАРК ЮНИЙ

(род. в 85 г. до н. э. – ум. в 42 г. до н. э.)

«Полно раздумывать,
Так решено уж.
Судьбы не избегнуть,
Коль в путь я собрался».

Гуннар, «Песнь о Нибелунгах»

«Во время политических кризисов наибольшая трудность для честного человека состоит не в том, чтобы исполнять свой долг, а в том, чтобы знать его».

Л. Бональд

Сегодня имя Марка Юния Брута ассоциируется у нас с предательством и черной неблагодарностью. Еще бы – ведь он стал убийцей человека, вознесшего его на вершину власти и сделавшего своим ближайшим другом. Фраза «И ты, Брут» стала крылатой. Однако если рассмотреть его судьбу беспристрастно, то окажется, что такая оценка как минимум спорна.

Брут родился в 85 г. до н. э. Предком нашего героя был Луций Юний Брут, который, согласно легенде, изгнал из Рима последнего из царей, Тарквиния Гордого. Так что ненависть к единовластию была у Марка Юния Брута в крови.

Кроме того, Катон Младший, погибший из-за Юлия Цезаря, приходился Бруту дядей, а впоследствии и тестем. С самого детства Брут старался во всем походить на своего дядю:

он получил отличное образование, прекрасно разбирался в философии, великолепно владел греческим языком.

Отец Брута, Марк Юний Брут Старший, участвовал в восстании против диктатора Суллы, которое было подавлено Помпеем, а Марк Юний Брут Старший казнен. Брут возненавидел Помпея как убийцу отца, никогда не разговаривал и не здоровался с ним. Именно поэтому, когда первый триумvirат распался, все ожидали, что он примет сторону Цезаря. Но Брут не стал руководствоваться личными мотивами и, считая, как и Катон, что справедливость на стороне Помпея, присоединился к нему.

Перед началом Фарсальской битвы Цезарь дал приказание всем начальникам легионов не убивать Брута, а доставить к нему живым. Более того, если он откажется сдаться в плен – отпустить, не причиняя вреда. Надо заметить, что подобное отношение совершенно не означало, будто Цезарь питает уважение к высоким моральным качествам Брута. По всей видимости, существует иное объяснение: когда-то Цезарь был более чем близок с матерью Брута и вполне мог считать его своим сыном.

По окончании Фарсальской битвы Брут спасся от преследователей, спрятавшись в зарослях камыша на болоте, а ночью, добравшись до города Ларисса, написал Цезарю. Тот пригласил его к себе и не только простил, но и сделал одним из ближайших друзей. По просьбе Брута Цезарь простил и Кассия, бывшего сторонником Помпея.

В 47 г. до н. э., отправляясь в Африку для борьбы с Катоном и Сципионом, Цезарь назначил Брута правителем Пред альпийской Галлии, и тот блестяще справился с возложенными на него обязанностями. Его управление отличалось мягкостью, разумностью и тем, что он не пытался использовать власть для личного обогащения. Вернувшийся из Африки Цезарь был очень доволен своим ставленником.

В 44 г. до н. э. Брут и Кассий с подачи Цезаря были назначены преторами. Пользуясь расположением Цезаря, Брут фактически мог стать вторым, а со временем – и первым человеком в государстве. Причем для этого ему не надо было становиться заговорщиком; достаточно было дожидаться, пока Цезарь уйдет на покой или умрет. Но Брута, как и многих аристократов, возмущала сама идея единовластия, а потому он – из идейных соображений – решил принять участие в заговоре.

Первоначально организатором и вдохновителем заговора был Кассий, а Брут долго хранил Цезарю верность, помня о его добром отношении. Однако сторонники республики, не желавшие мириться с единовластием Цезаря, активно подстрекали Брута вступить на путь борьбы с тираном. На статуе Луция Юния Брута появлялись надписи: «О, если бы ты был сегодня с нами!», «Если бы жил Брут». Однажды судебское возвышение, на котором сидел Брут, исполняя свои обязанности, оказалось завалено записками: «Ты спишь, Брут?», «Ты не настоящий Брут!». Кроме того, многие друзья Кассия говорили, что готовы восстать против власти Цезаря, но только если их возглавит Брут.

Заговорщикам стало известно, что вскоре в сенат внесут предложение о предоставлении Цезарю царской власти. Кассий отправился к Бруту, сообщил об этом и спросил, собирается ли он присутствовать на этом заседании. Брут сказал, что не придет. «А что, если нас позовут?» – спросил Кассий. «Тогда долгом моим будет нарушить молчание и, защищая свободу, умереть за нее», – отвечал Брут. Тогда, поняв, что он на их стороне, Кассий произнес: «Но кто же из римлян останется равнодушным свидетелем твоей гибели? Разве ты не знаешь своей силы, Брут? Или ты думаешь, что твое судебское возвышение засыпают письмами ткачи и лавочники, а не первые люди Рима, которые от остальных преторов требуют раздач, зрелищ и гладиаторов, от тебя же – словно исполнения отеческого завета! – низвержения тирании? И сами готовы ради тебя на любую жертву, любую муку, если только и Брут покажет себя таким, каким они хотят его видеть?»

Так Брут оказался во главе заговора и привлек к общему делу еще нескольких преданных делу республики римлян. Некоторые заговорщики предлагали склонить на свою сторону и Марка Антония, но один из них сказал, что уже пытался, соблюдая предосторожности, говорить с Антонием о заговоре. Тот якобы Цезарю не донес, но и не высказал желания принять участие. Тогда возникло предложение убить вместе с Цезарем и Антония, однако против этого категорически возражал Брут. Было принято решение оставить Антония в живых. В то же время Антоний был известен своей физической силой, и заговорщики боялись, что если он бросится на защиту Цезаря, то вся затея провалится. Поэтому было решено, что перед покушением кто-то из заговорщиков должен будет задержать его перед входом в курию, когда Юлий уже зайдет внутрь.

На людях Брут старался хранить полное спокойствие, чтобы не выдать своих намерений, однако дома он не смог скрыть своих волнений и забот от жены Порции. Услышав от мужа о заговоре, она повела себя странно, но, без сомнения, мужественно – закрывшись в спальне, она сделала себе ножом глубокий надрез на бедре. Через некоторое время от потери крови у нее начались сильные боли и лихорадка, и Брут, который не знал о ее поступке, очень испугался за нее. Тогда Порция обратилась к нему с пламенной речью: «Я – дочь Катона, Брут, и вошла в твой дом не для того только, чтобы, словно наложница, разделять с тобой стол и постель, но чтобы участвовать во всех твоих радостях и печалях. Ты всегда был мне безупречным супругом, а я... чем доказать мне свою благодарность, если я не могу разделить с тобой сокровенную муку и заботу, требующую полного доверия? Я знаю, женскую натуру считают неспособной сохранить тайну. Но неужели, Брут, не оказывают никакого воздействия на характер доброе воспитание и достойное общество? А ведь я – дочь Катона и жена Брута! Но если прежде, вопреки всему этому, я полагалась на себя не до конца, то теперь узнала, что неподвластна и боли». После чего она показала мужу рану на бедре и рассказала об испытании, которому себя подвергла.

И вот настал роковой день заседания, знаменитые мартовские иды (так римляне называли пятнадцатый день марта, мая, июля, октября и тринадцатый день всех остальных месяцев). По легенде, прорицатель предупреждал Цезаря, что мартовские иды принесут ему смерть. В этот день по дороге в сенат живой и невредимый Цезарь встретил прорицателя и сказал насмешливо: «А ведь мартовские иды пришли!» Прорицатель ответил: «Пришли, но не прошли».

Втайне от всех, кроме жены, Брут опоясался кинжалом и пошел в помещение, где должно было состояться заседание. Остальные участники заговора пришли вместе с Кассием. Они сочли счастливым предзнаменованием то, что сенат собрался в одном из портиков, которые окружал построенный Помпеем театр. В портике находилась статуя Помпея – противника Цезаря, и это тоже было для них хорошим знаком.

Цезарь же, взволнованный встречей с прорицателем, дурными предчувствиями и дурными предзнаменованиями, напротив, долго не решался войти в сенат. Брут и некоторые другие заговорщики, скрывая волнение, исполняли свои повседневные обязанности и разбирали судебные дела. Брут, как обычно, выносил обдуманные и взвешенные решения, словно ничего больше в данный момент его не беспокоило.

Время шло. Цезарь не появлялся. И тут прибыл кто-то из домашних Брута с известием, что Порция умирает. Несмотря на это известие, он не покинул сенат, зная, что жена одобрила бы его решение. К счастью, оказалось, что Порция просто потеряла сознание от волнения и вскоре пришла в себя. Бруту же сообщили только о первом из событий.

В конце концов, поддавшись на уговоры еще одного заговорщика, Цезарь все же вошел в курию, Марка Антония, согласно уговору, отвлекли у входа в портик. Заговорщики окружили Цезаря плотным кольцом.

К нему обратился некто Туллий Кимвр с прошением помиловать находящегося в изгнании брата. Когда Цезарь отказал, Туллий сорвал с его плеч тогу, что было условным сигналом для начала нападения. Другой заговорщик, Каска, нанес Цезарю удар в плечо сзади. «Каска, злодей, да ты что?» – закричал Цезарь, но тут на него со всех сторон посыпались удары. Цезарь как мог отбивался от врагов, но, увидев среди нападавших Брута, прекратил сопротивление, натянул край тоги на голову и подставил тело под удары. Согласно легенде, он произнес свои знаменитые слова: «И ты, Брут» (по другим источникам, «И ты, дитя мое»), но доподлинно это не известно.

После похорон Цезаря заговорщикам пришлось покинуть Рим, ибо заговор не достиг своей цели. Да, Цезарь был убит, однако восстановить республику не удалось, и вскоре к власти пришел второй триумвират, в который вошли Марк Антоний, Октавиан Август и Ледип.

Заговорщики тем временем собрали целую армию, в чем им помогли города Греции, Малой Азии и Сирии, некоторые – добровольно, некоторые – по принуждению. В состав войска вошли также бывшие солдаты и военачальники Помпея. Что касается их противников Марка Антония и Октавиана, то они, в свою очередь, тоже собрали войско для борьбы с республиканцами.

Решающие битвы произошли в Македонии на Филиппийских полях через два с лишним года после убийства Цезаря. Никогда еще до этого такие большие силы римлян не сражались друг против друга. Противники выстроились таким образом: против Октавиана стоял со своими войсками Брут, а против Антония – Кассий.

Перед самой битвой между союзниками произошел следующий разговор. Кассий сказал: «Я хочу, чтобы мы победили, Брут, и счастливо прожили вместе до последнего часа. Но ведь самые великие из человеческих начинаний в то же время имеют самый непредсказуемый исход, и если битва решится вопреки нашим ожиданиям, нам нелегко будет свидеться снова. Так скажи мне теперь, что ты думаешь о бегстве и смерти?» Брут ответил: «Когда я был молод и неопытен, Кассий, у меня каким-то образом – уж и сам не знаю как – вырвалось однажды опрометчивое слово: я порицал Катона за то, что он покончил с собой. Мне представлялось и нечестивым, и недостойным мужа бежать от своей участи, не претерпеть бесстрашно все, что выпало на твою долю, но скрыться, исчезнуть. Теперь я иного мнения. Если бог не судил нам удачи в нынешний день, я не хочу подвергать испытанию новые надежды и новые приготовления, но уйду с благодарностью судьбе за то, что в мартовские иды отдал свою жизнь отечеству и, опять-таки ради отечества, прожил еще одну жизнь, свободную и полную славы». Кассий улыбнулся, обнял Брута и произнес: «Что же, с этими мыслями – вперед, на врага! Мы либо победим, либо не узнаем страха перед победителями».

В первой битве при Филиппах (октябрь 42 г. до н. э.) окончательной победы не достиг никто. Воины Брута, даже не дождавшись команды, стремительно пошли на врага, обойдя его слева и захватив лагерь неприятеля. Октавиана, по его же собственным словам, спасло чудо: он не участвовал в битве, так как был болен и лежал в своей палатке, и во сне услышал голос, повелевший подняться и покинуть лагерь. Октавиан повиновался и не зря – почти сразу после этого лагерь захватил Брут.

А в это время на другом фланге Кассий и его военачальники растерялись из-за того, что солдаты Брута бросились в бой, не дождавшись приказа. Пока воины союзника, вместо того чтобы завершить окружение противника, грабили лагерь Октавиана, Кассий пребывал в нерешительности. За это время силы Антония зашли к нему в тыл и обратили в бегство сначала конницу, а затем и пехоту Кассия. Сам полководец мужественно сражался, но даже своим примером не смог остановить бегущих. Отступая, он с небольшой группой воинов поднялся на холм, где произошло недоразумение, стоившее Кассию жизни.

С холма Кассий увидел большой отряд всадников, скачущих в его сторону. Это были солдаты Брута, но Кассий по слабости зрения принял их за вражескую погоню и, чтобы пол-

ностью удостовериться в этом, послал на разведку своего приближенного. Среди всадников Брута оказались приятели посланника, и, узнав друга, они спрыгнули с коней и бросились его обнимать. Остальные всадники радостно потрясали оружием, звон которого близорукий Кассий принял за звуки схватки и уверился, что послал друга на смерть. Воскликнув: «Вот до чего довела нас постыдная жажда жизни – на наших глазах неприятель захватил дорогого нам человека!» – Кассий ушел в какую-то пустую палатку в сопровождении своего вольноотпущенника Пиндара, которого держал рядом как раз для такого случая. В палатке Кассий, накинув плащ на голову, подставил шею под меч вольноотпущенника. В это время посланник вернулся, чтобы обо всем доложить Кассию, и, узнав о смерти друга, закололся мечом, проклиная свою медлительность.

Брут возглавил оба войска, однако командиры и солдаты Кассия с неохотой подчинились новому полководцу и к тому же завидовали воинам Брута, отличившимся в первой битве.

Не лучшим было положение Октавиана и Антония: у них не было достаточного запаса продовольствия, лагерь находился в низине у болот (а дело было осенью). После первого сражения начались дожди, и без того влажная почва в лагере превратилась в жидкое месиво, палатки промокали, начались болезни. В довершение всех бед солидное подкрепление, плывшее по морю, было встречено флотом Брута и уничтожено. Узнав об этом, Октавиан и Антоний стали торопиться с битвой. К их счастью и на свою беду, Брут вовремя не узнал о победе на море, иначе он, располагая достаточным запасом продовольствия и выгодным положением для зимовки, не начал бы решающей битвы.

Вторая битва при Филиппах состоялась в середине ноября 42 г. до н. э. Опять войска под командованием Брута одержали временную победу, но на другом фланге военачальники все дальше и дальше растягивали войска, чтобы предотвратить их окружение. В конце концов, противник ударил в середину образовавшейся линии, и бывшие воины Кассия бросились в бегство, уже ставшее для них привычным. Враг зашел в тыл воинам Брута.

Брут, его солдаты и приближенные храбро сражались. В битве, не пожелав отступить ни на шаг, погиб сын Катона Младшего Марк Порций. Отвагу проявил друг Брута Луцилий. Когда войско уже побежало, он увидел, что отряд вражеской конницы упорно преследует Брута и его приближенных. Тогда, несколько отстав, Луцилий стал кричать преследователям, что он – Брут и хочет сдаться, при условии, что его доставят не к Октавиану, а к Антонию. Когда Луцилия доставили к Антонию, он смело сказал ему: «Марка Брута, Антоний, ни один враг не поймал и, верно, никогда не поймает – судьба да не одержит такой победы над доблестью!.. Я обманул твоих воинов – и потому я здесь и без возражений приму любую, самую жестокую кару за свой обман». Антоний, несмотря на разочарование, оказался на высоте, сказав солдатам: «...вам досталась добыча еще лучше той, какую вы искали. Ведь вы искали врага, а привели нам друга. Что бы я сделал с Брутом, если бы он живым попал в мои руки, – клянусь богом, не знаю, но такие вот люди пусть всегда будут мне друзьями, а не врагами». Впоследствии Луцилий стал верным сторонником Антония.

Уже в темноте Брут вместе с небольшим количеством соратников переправился через неширокую речку с крутыми лесистыми берегами. Укрывшись в какой-то лощине, беглецы расположились на отдых. Опустившись на землю и подняв глаза к небу, Брут произнес строку из Еврипида: «Зевс, кару примет пусть виновник этих бед». Он принялся оплакивать погибших в битве друзей, называя каждого по имени.

Один из воинов Брута, Статилий, вызвался пойти на разведку и осмотреть лагерь. Оставалась надежда на то, что в сражении погибло не так много солдат и лагерь цел. Условились, что, если надежды оправдаются, Статилий зажжет факел и подаст сигнал. До лагеря разведчик добрался беспрепятственно и зажег факел, однако окончательно положение так и не выяснилось. Время шло, а Статилий все не возвращался. Брут говорил: «Если Статилий жив, он

непрерывно будет с нами». Но разведчик не вернулся назад. На обратном пути он наткнулся на врагов и был убит.

Уже глубокой ночью Брут наклонился к своему рабу, Клиту, что-то шепнул ему, и тот молча заплакал в ответ. Тогда Брут позвал щитоносца и стал его жарко убеждать в чем-то. В конце концов он стал обращаться ко всем спутникам с одной и той же просьбой: помочь ему пронзить себя мечом. Но никто не согласился оказать своему предводителю эту ужасную услугу, кто-то сказал, что нужно спастись бегством. На это Брут ответил: «Вот именно, бежать, и как можно скорее, но с помощью рук, а не ног». Попрощавшись с каждым из своих спутников, он сказал, что для него было огромным счастьем убедиться в искренности и преданности каждого из друзей. Брут говорил, что может упрекать судьбу только за жестокость к его отечеству, потому что сам он многократно счастливее своих победителей. Он оставляет после себя славу высокой нравственной доблести, какой победителям ни оружием, ни богатствами не стяжать, ибо никогда не умрет мнение, что людям порочным и несправедливым, которые погубили справедливых и честных, не подобает править государством. Затем Брут попросил всех друзей позаботиться о собственном спасении.

В сопровождении двоих или троих спутников, среди которых был и его давний друг Стратон, он отошел в сторону. По одной из версий, Брут попросил Стратона стать рядом с ним. Затем упер меч рукояткой в землю и, придерживая лезвие обеими руками, бросился на него. По второй версии, Стратон уступил горячим уговорам Брута и помог ему совершить задуманное. Он якобы держал меч, а Брут бросился на него с такой силой, что лезвие вышло из спины.

Жена Брута, Порция, тоже добровольно ушла из жизни. Но источники расходятся в сроках этого события, поэтому неизвестно, произошло оно до или после самоубийства Брута. Также до конца неизвестны и мотивы этого поступка. По свидетельствам одного из современников, Порция после смерти супруга решила покончить с собой, но ее друзья не только отказались помочь в осуществлении этого замысла, но и пристально следили за ней. Тогда она выхватила из огня уголь и проглотила его. Другие свидетели говорят, будто в одном из писем Брут упрекал своих друзей в том, что они не позаботились о его супруге. Заболев и не имея поддержки, она решилась на самоубийство.

Не только соратники, но и враги питали глубокое уважение к Бруту. Тело Брута Антоний велел похоронить с почестями, приказав завернуть его в самый дорогой из своих плащей. Один из вольноотпущенников Антония попытался похитить плащи и большую часть отведенных на похороны денег. Узнав об этом, Антоний приказал его казнить.

Октавиан тоже питал уважение к погибшему противнику, о чем свидетельствует такой случай. Однажды, уже через многие месяцы после описанных событий, он прибыл в Галлийский город Медиолан (нынешний Милан), где находилась бронзовая статуя Брута. Заметив ее, Октавиан сначала прошел мимо как ни в чем не бывало, но затем, созвав представителей города, заявил, что ему известно, будто Медиолан укрывает у себя его врага. Городские старейшины стали уверять Октавиана в своей невиновности. Тогда он указал на статую и спросил: «А вот этот, который здесь стоит, разве он нам не враг?» Медиоланцы в смущении умолкли, и тогда Октавиан улыбнулся и похвалил их за то, что и в беде они остались верными друзьями. Статую же велел оставить на прежнем месте.

БУССЕНАР ЛУИ АНРИ

(род. в 1847 г. – ум. в 1910 г.)

В конце концов, что такое смерть?

Смерть, дорогие товарищи, это самое интересное приключение, которое мы испытаем в жизни.

Аркадий Стругацкий

Луи Анри Буссенар, любимый писатель многих поколений мальчишек, певец романтических приключений и дальних странствий, автор приключенческих романов и неутомимый путешественник, родился 4 октября 1847 г. в Эскренне (департамент Луаре, Франция).

Получив медицинское образование, Луи Буссенар стал врачом (пожалуй, эта профессия дала миру больше писателей, чем любая другая, – достаточно вспомнить А. Чехова, М. Булгакова, А. Конан-Дойла), однако начать частную практику ему было не суждено. Здесь, по-видимому, уместно сделать вставку в духе творчества самого Буссенара, который (как и Жюль Верн) никогда не упускает «...случая просветить читателя: в самый напряженный момент они обрывают нить повествования и принимаются описывать ядовитое растение или туземное жилище» (Ж.-П. Сартр, «Слова»).

Итак, в день выпуска, 19 июля 1870 г., когда Луи и его товарищам вручали дипломы, Наполеон объявил войну Пруссии, стремясь помешать объединению Германии под ее началом и ослаблению влияния Франции в Европе. Надо сказать, что война закончилась для Франции поражением: в ходе военных действий было завершено объединение Германии под гегемонией Пруссии, возникла Германская империя; во Франции же империя, напротив, рухнула, а на ее обломках появилась Третья республика. 10 мая 1871 г. во Франкфурте был подписан мирный договор, по которому Франция передала Германии Эльзас и часть Лотарингии, а также выплатила огромную контрибуцию.

Из-за начавшейся войны Луи сразу же был мобилизован и отправился на фронт в качестве полкового лекаря. В одном из боев его легко ранило, и после излечения Буссенар вернулся в полк, где прослужил до окончания военных действий. Вместе с армией он пережил позор разгрома и капитуляции, а увиденное на войне сделало будущего писателя убежденным пацифистом (хотя действие многих его произведений разворачивается на фоне военных событий). Буссенар, понимавший чисто политическую подоплеку войны с Пруссией, позже писал, что единственным оправданием войны может быть защита Отечества, но никогда – порабощение другого народа.

Фронтные впечатления – помимо отвращения к армейским будням и войне как таковой – принесли с собой нежелание заниматься рутинной врачебной практикой. Луи Буссенар, будучи искателем приключений и убежденным пацифистом, был вынужден искать применение своим авантюрным наклонностям. И он нашел то, что искал, когда после демобилизации вернулся в Париж.

Навсегда оставив медицину, Буссенар стал постоянным сотрудником «Журнала путешествий» («Journal du Voyages»). Ему настолько понравилась работа в этом издании, что он оставался там до самой смерти, несмотря на выгодные предложения конкурентов. Журналистская деятельность пришлась Буссенару по душе, и он решил расширить рамки своего творчества и выйти за пределы журнального формата. Он стал профессиональным литератором, причем стилистика «Журнала путешествий» оказала значительное влияние на направленность и характер его творчества.

Буссенар, который начинал с написания познавательных статей об экзотических уголках планеты, сохранил верность этой традиции. В подавляющем большинстве его приключенческих романов и повестей авантюрная линия время от времени прерывается для того, чтобы познакомить читателя с флорой, фауной и обычаями местности, в которой разворачиваются события. Впрочем, стиль «занимательного учебника по всем предметам» был распространен в XIX веке – не было ни радио, ни телевидения, ни кино, и подобные книги заменяли их, давая богатую пищу воображению и уму читателя.

В 1877 г. вышел из печати первый роман писателя «Через Австралию. Десять миллионов Рыжего опоссума», который сразу принес ему бешеный успех. Действие романа происходит в малоисследованных областях Австралии. Главный герой книги, натуралист-любитель, присоединяется к искателям сокровищ, которые когда-то были зарыты братом главы экспедиции. Персонажи постоянно преодолевают трудности и выпутываются из сложных ситуаций, в промежутках между которыми главный герой делится своими познаниями в области животного и растительного мира Зеленого континента. Исследователи, правда, утверждают, что в этом и других романах Буссенара довольно много неточностей, но достоверность фактов с лихвой окупалась головокружительными приключениями и мужеством главных героев (в конце концов, мы же не требуем документальной точности от фильмов вроде «Тарзана»). «Им, – писал Буссенар, – нужна опасная борьба, захватывающие победы, незабываемые воспоминания». А какие названия у этих книг: «Адское ущелье», «Ледяной ад», «Похитители бриллиантов», «Приключения в стране львов»... И, разумеется, «Капитан Сорвиголова», без которого просто невозможно представить себе детство мальчишки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.